

Политический случай и атлантический упадок

Глядя на результаты американских выборов, либеральная пресса либо ошеломлена, либо просто отказывается верить своим глазам. Не хватило ни поймать Дональда Трампа за руку при штурме Капитолия, ни посадить его на скамью подсудимых и даже осудить за его одновременно мерзкие и абсурдные дела. Чопорная *Financial Times* предлагает перечитать историю императора Калигулы, который сделал сенатором своего коня. *Дональд*, как пишут, вернулся ещё и со своей «бандой мстительных хулиганов».

Слишком много эмоций или, наоборот, подавленности; стоит вернуться к Марксу, мастеру не только научного метода “Капитала”, но и анализа политической нищеты буржуазного общества.

«С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих “случайностей”, среди которых фигурирует также и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения»¹, – писал Карл Маркс Людвигу Кугельману 17 апреля 1871 года. Маркс имел в виду лидеров Парижской коммуны, но эта схема материалистического анализа подходит и для анализа борьбы господствующего класса. Что касается случая Трампа, то тут мало что можно добавить к тому, что было очевидно ещё восемь лет назад, во время его первого президентского срока, когда американский упадок и присущие ему нарушения равновесия, породившие массовые обиды, усиленные к тому же *телевизионной демократией*, вызвали своего рода короткое замыкание.

Магнат недвижимости с хорошо подвешенным языком, продавец квадратных метров “новым богатым” Нью-Йорка, исполнитель роли самого себя в фальшивом мире реалити-шоу, где он без предупреждения “увольнял” участников повелительным жестом руки, создавая себе образ успешного капиталиста, окружённого роскошью своих Трамп-Тауэр и казино, а также кичащегося своей дурной славой покорителя женщин.

По мнению Фридриха Энгельса, Луи Бонапарт, скитавшийся по Европе авантюрист средней руки, готовился к роли французского императора Наполеона III, *«подобно тому как классический образец буржуа – американец – рядом подлинных и фиктивных банкротств готовит себя в миллионеры»²*.

Четырежды обанкротившийся перед тем, как стать президентом США, миллиардер Трамп ещё лучше подходит под этот портрет, разве только нужно добавить, что телевидение и система “звёзд”, коммерциализация знаменитостей, благодаря чему он и стал *брендом*, создали готовый продукт для эпохи *политического шоу и телевизионной демократии*.

Его сравнивают с Рональдом Рейганом, бывшим голливудским актёром, и Сильвио Берлускони, также миллиардером, дельцом в сфере недвижимости и телевизионным магнатом. Однако эти сравнения поверхностны, они, если воспользоваться словами Маркса из “Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта”, скрывают существенное различие *«условий»* и *«обстоятельств»³*, которые сделали возможным *случай* Трампа. Речь идёт о фазах *американского упадка*. В 80-е годы первые признаки упадка уже стали фактом, но только по отношению к Европе и Японии. Ответ на него – начало цикла *империалистического либеризма* – ещё мог характеризоваться *рейгановским оптимизмом*, который подпитывался налоговыми льготами и дерегулированием.

Аполитичный “ломбардизм” Берлускони, его нетерпимость к хлопотному наследию предыдущего *цикла государственного капитализма* позволили ему считать себя выразителем этой *либеральной и либеристской* энергии и в 90-е, и в начале 2000-х годов, заплатив за это определённой двусмысленностью по отношению к европейскому *внешнему принуждению*, которое сдерживало итальянское нарушение равновесия.

Новый век открылся катастрофической картиной 11 сентября, предвещавшей фазу *немыслимой ранее уязвимости Америки*. Вступление Китая в ВТО, Всемирную торговую организацию, стало *зенитом* цикла *империалистического либеризма*, который именно благодаря китайскому рынку принёс огромные прибыли американским, европейским и японским капиталам. Вместе с тем, однако, на сцену вышел экономический и

стратегический соперник гигантских размеров, гораздо более опасный, чем соперники-союзники, такие как Европа и Япония.

“Война по выбору” 2003 года против Саддама Хусейна была попыткой предотвратить проникновение Китая в энергетическую артерию Персидского залива, но в конечном счёте ускорила его восхождение. Кризис 2008 года, именно кризис глобальных отношений, не только поставил точку в тридцатилетнем цикле либеристской глобализации, но и обозначил переломный момент в семидесятилетнем цикле послевоенного развития.

К непосредственным последствиям кризиса – реструктуризации, делокализации производств, краху рынка недвижимости – добавились все реальные или кажущиеся факторы социальной неуверенности, которые вновь пробудились и усилились в ходе кризиса пандемии столетия в 2020 году: страх перед снижением социального статуса, страх остановки накопления собственности, страх старения, миграционные коллизии, а также ощущение заброшенности провинции по отношению к глобализированным мегаполисам. Отсюда электоральные восстания в Европе и Америке, а также характер десятилетий 2010-х и 2020-х годов: оптимизм, присущий старому циклу, сменился страхом и озлобленностью, которые в свою очередь раздуваются телевизионным рынком в гонке за рейтинги.

Трамп не может быть Рейганом, как не может он быть Берлускони. Чтобы это стало ещё яснее, можно указать на ещё одну деталь его политического случая. В бурные 80-е годы он уже был миллиардером, но второго поколения, преследуемый тенью отца. Став строительным магнатом в Бруклине, он хотел доказать, что преуспеет и на Манхэттене, но оказался лишь почти карикатурным парвеню. Его строительные проекты сталкивались с противодействием городских властей – отсюда неприязнь к политикам и регламентам, которые он воспринимал как оскорбление своей предпринимательской изобретательности. Обанкротившись в результате мегаломанской авантюры с казино в Атлантик-Сити, он оказался в долгу перед банками, но те же самые банки загнали его в угол. Отсюда его неоднозначное отношение к Уолл-Стрит и крупным финансам.

Это сочетание амбиций и разочарования, блеска и обид, делает его созвучным новым временам. Рейган и Берлускони имели «солнце в кармане», а Трамп – озлобленность. Люди, знакомые с ним ещё по его предвыборной кампании 2016 года против Хиллари Клинтон, пишет Боб Вудворд в книге “Fear” (“страх”), рассказывают, что он изображал миллиардера-харизматика, но «в то же время создавал впечатление, что он – обычный человек, сидящий в баре и возмущающийся телевизионным новостям». По словам же Хиллари, в его профессионально подготовленных, как и подобает политику, речах, «даже правда выглядела ложью».

Тем не менее, следует ещё упомянуть о непредсказуемых аспектах баланса сил в Вашингтоне и того, как может сложиться генеральная линия крупных групп и фракций капитала. Остаётся ключевой вопрос: как сильно повлияет случай Трампа на «ускорение» и «замедление» американского упадка?

(продолжение на стр. 2)

Ноябрь 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 33. С. 175.

² - Там же. Т. 21. С. 428.

³ - Там же. Т. 8. С. 125.